

Как мы убежали от смерти...

Владислав ФАТЯНОВ

Родился в ноябре 1937 года на Донбассе. Во время Великой Отечественной войны вместе с матерью прошёл по оккупированной Украине 600 км, из Донбасса в Полтавскую область; своими глазами видел бесчинства фашистов.

Стихи стал писать в 13 лет. Автор 10 поэтических книг: «Паруса рассвета», «Сохрани весну», «Листопад» и других. Номинант и лауреат Международных конкурсов в России и Франции. Обладатель Золотой Есенинской медали, ордена им.Сергея Есенина, Всероссийской литературной премии им. генералиссимуса А.В.Суворова и других творческих наград. Его стихи переводились на болгарский, испанский, английский, французский, украинский языки.

Живёт в Ленинском районе Московской области. Руководит литературным объединением «Орбита-1», организовал и возглавил литературные «Подмосковные протуберанцы»

Владислав Фатянов у мамы на руках

Вспоминаю войну, как сейчас, вижу женщину в школьном саду. Вот она принимает наш класс, 41-й на личном счету.

Мы пришли к ней без книжек и роз. Их война вместе с детством сожгла. В эту осень, сырую от слёз, Вся деревня сторела доглы.

Помню дым на пришкольном дворе, Сад пожаром смертельным объят, А учительница, обгорев, Выносила из класса ребят.

На востоке аела звезда. Дым столбами вставал из земли. Мы за сутки дороги тогда Десять лет высшей школы прошли.

Когда мне было пять лет, отец, как и многие мужчины в нашем городе, ушёл на фронт. И мама осталась одна со мной и братом Толей, родившимся в день, когда Гитлер объявил нам войну.

В своём возрасте я мало чего боялся, но однажды с нами приключилась история, после которой я сразу как-то повзрослел.

Рано утром, закрыв нас дома, мама ушла за водой на колонку: вода еле капала из крана. А там собирались огромные очереди, и мама всё не шла и не шла.

Перед печкой остались сушиться пелёнки и простыни, которые вдруг загорелись. Маленький братишка ползал по полу и первым заметил дым, пробившийся через дверь в нашу комнату. Толка захляпался и заплакал. А когда я открыл дверь, увидел

попыхающее бельё. Наверное, пламя было много меньше, чем показалось, но его хватило, чтобы я перепугался. Схватив веник, я стал размахивать им, пытаюсь потушить пожар, но только больше растревожил огонь. В углу уже дымился большой фikus. Я вернулся в комнату, попытался успокоить плакавшего малыша, открыл окно, чтобы впустить свежий воздух, и пламя заиграло со страшной силой. Испугавшись ещё больше, я кинулся к окну. Глянул вниз на чёрную твёрдую землю и уже решил прыгнуть, но что-то меня остановило: за спиной на растерзанное огнём оставался маленький братик, а если б я кинулся вниз вместе с ним, мы бы наверняка разбились.

Выходит, маленький человек спас меня от смерти. И я не прыгнул. Теряя сознание, я услышал стук в дверь, которую разбивали какие-то мужчины.

После того случая я долго заикался, у меня болело сердце, горло, обгоревшая рука...

С тех пор я уже ничего не боялся...

Это произошло в селе Демки в Полтавской области, куда мы с мамой пришли пешком из оккупированной гитлеровцами Макеевки, окраины города Сталино (ныне Донецк).

Немцы нас не трогали. Мы еле живые добрались до села. От голодной смерти

нас спасли местные жители...

Однажды в полдень игравшие на пустыре дети заметили, что над соседним селом Мосинцы всё небо вдруг стало чёрным. Испугавшись, малышня разбежалась по домам. Хозяйка хаты, где мы жили, почему-то днём загнала в сарай козу и кур. Мама в саду закапывала в землю нашу одежду. Все трясели от страха. Все понимали, что отступавшие немцы, получив гитлеровский приказ, уже многое сожгли и уничтожили на Украине.

Горевшее село Мосинцы было далеко. Однако немцы передвигались быстро. Каратели появились на нашей

улице внезапно. Зарывали моторы, раздались громкие выстрелы. На окраине села запылали соломенные крыши.

От неожиданности мы все растерялись. Мама не успела даже обуться. Она схватила моего брата на руки и вместе со мной кинулась бежать в зелёные заросли, подальше от сарая и дома. Я уже понимал, что мы убегаем от смерти надолго — а мама бежала босиком. И я вернулся в пустой дом за её тапочками.

Когда я их нашёл, выход был перекрыт. Немецкие сапоги уже загремели в доме. Я кинулся на кухню. Окно было маленькое, но я — ещё меньше, вы-

летел, выставив перед собой мамыны тапочки. Они чуть не выпали, когда над моей головой раздался выстрел. Я догнал убегающую в кукурузные посадки маму. Она так крепко сжала руками моего брата Толю, что он побелел от страха. Когда мама увидела меня с её тапочками, она заплакала...

Каратели, отступая, окружили село Демки и всю ночь расстреливали людей, жгли дома, уничтожали ревущих коров. Пули летали над головами. Спасало нас то, что мы залегли, плотно прижавшись к земле.

Мне нравились синие и алые огоньки. Я понимал, что это смерть, но как зачарованный, поднимал руки, тянулся к «мотылькам». Мама раза два тихо приказывала опустить руку. Когда это не подействовало, она шлёпнула меня по ладони. Я обиделся, хотя понимал, что мама спасала меня от летевших немецких пуль. До рассвета я лежал на оставшей земле и слушал страшные крики женщин, детей. Надрывно ревели коровы, гудел огонь на домах.

В сарае мы нашли обгоревшую мёртвую козу. Несколько дней мы питались чёрными горькими огарышками. Они до сих пор хрустят на моих зубах, особенно когда я вижу по телевизору, что творится сейчас в Донбассе.

Дом наш спасли партизаны: немцы разбросали снопы конопли, по которым пламя ползло от пылавшего сарая. У гитлеровцев был чудовищно чёткий план...

Я высочился за калитку. Каратели уже уехали, отступая на запад. Перед воротами у забора лежала зелёная «каст-

рюля». Отбежав на несколько метров в сторону, я решил «разминировать» немецкий прощальный «подарок» и стал бросать в него камни. Сади на меня налетел мужик и отшвырнул от меня: если бы я попал в неё камнем, от меня остались бы только фамилия и имя...

После войны мы вернулись в Донбасс. Рядом с Донецком, в Октябрьском посёлке, построили, получив суду, небольшой дом.

Я ходил в школу за два километра от дома. Она стояла у оврага. Во время перемены мы бегали туда. Однажды на дне оврага раздался взрыв, и душераздирающий крик разорвал тишину. Как страшно мальчик кричал, хватаясь за плечо! Из раны хлестала кровь, от руки остался короткий обрубок. Как заминированная немцами губная гармошка могла пролезать в землю несколько лет?! Фашистские выродки минировали даже детские игрушки, когда бежали в Берлин...

А мы, маленькие, глупые школьники, ничего не боялись. «Самое страшное уже прошло», — думали мы. И опять ошибались...

Людмила АЛЕШИНА

Родилась в 1939 году в Москве. Выпускница факультета журналистики МГУ им.М.В. Ломоносова. Почти 30 лет проработала в многотиражной газете Всесоюзного института лёгких сплавов. На протяжении многих лет готовила выпуски «Литературных страниц» в газете и на радио. Вела литературное объединение «Автограф» в Московском педагогическом колледже. Член Союза журналистов Москвы. Ветеран труда. Награждена медалью «За трудовую доблесть»

Помнишь, Сильва, то мгновенье, Нашу свадьбу там на сцене, Где в любви мы поклялись! (Ну, как вы, тётя Фрося, со своим женихом...)

В шумном грохоте овалей, Вбстрой смене декораций Поздравлял нас мир кулис!

Малышка произнесла последнее слово слитно, а потом объяснила: «Ну, Миркулис — волшебник такой добрый». Тут раздался скрип дверей — пришёл Фросин муж. Лиля попрощалась и убежала, пряча в кармашке передника награду за выступление — тонкий кусочек чёрного хлеба и маленький осколок сахара.

В конце улицы находился небольшой механический завод, выпускавший теперь не только мирную, но и военную продукцию. Там работала мама. А Лиля

считала его своим вторым домом. Бродила по цехам и во дворе, как кошка, сама по себе. Играла с металлическими обрезками и стружками. А во время маминого ночного дежурства, с разрешения директора, спала в его кабинете, расстелив под столом своё выдвинутое видлы малиновое пальтишко.

В ту майскую ночь Лиля осталась дома со старшей сестрой. Мама обещала прийти пораньше. Она несколько лет назад овдовела и теперь работала без отрыва, чтобы как-то прокормить дочерей.

Большой чёрный диск старого радио висел напротив дивана в крохотной комнате. Для Лиля эта была любимая и почти живая вещь: друг, рассказчик, добродушный волшебник, утешитель.

Радио никогда не выключалось, только убавлялся звук. И вдруг прозвучало

Уроки мужества и любви

слово, от которого радостно заколотило сердце и перехватило дыхание. Слово, которое с верой, надеждой и ожиданием произносила она вместе со взрослыми: ПОБЕДА!

— Ты знаешь? — Лиля бросилась к маме, едва та переступила порог.

— Знаю, — ответила мать, со слезами обнимая и целуя дочерей.

— Мамочка! Найди себе военного и гуляй с Победой! — в восторге кричала девочка. Старшая сестра шлёпнула Лилю:

— Глупенькая!

Потом было ещё много радости, слёз, музыки. Был салют Победы! Малышка слышала его мотучие залпы. Всё это мелькало для неё в шумной череде дней. Правда, по-прежнему доimmel голод. И, чтобы успокоить его, по совету соседки-школьницы, Лиля много раз подряд повторяла: «ням-ням», и тогда ей казалось, что она что-то ест. И хотя у мамы так и не появились деньги на самое-самое необходимое, девочка, как и её близкие, верила, что жизнь наладится.

Потихоньку, чтобы никто не видел, она становилась на колени перед единственной иконой, которую ей подарила старушка-крестьянка, и молилась о том, чтобы Бог послал ей бумагу и карандаш, потому что она любила рисо-

вать, чтобы послал здоровье маме, сестре и товарищу Сталину.

Однажды девочка из соседнего дома сказала Лиле: «Ты знаешь много стихов. Пойдём к Марии Николаевне, она тебя запишет в тимуровскую команду. Будешь выступать вместе с нами в госпитале».

Воспоминания! Они — наша радость и боль. Они возвращают время. И хранящийся у меня пожелтевший, порванный на сгибах листок газеты «Жилищный работник» тоже оживляет былое.

В выходных данных значится: «№ 13. Пятница, 22 июня 1945 года». На второй полосе в рамочке сообщение: «8 июня с.г. товарищ Сталин прислал письмо активистке-общественнице Марии Николаевне Бухман (82-е домоуправление по Трубиной улице, д. №25)».

По этому поводу состоялось общее торжественное собрание, на котором письмо было зачитано. Все выступавшие благодарили тов. Бухман, которая явилась инициатором заботы о детях погибших бойцов...

В газете поместили фотографию Марии Николаевны, её заметку, письма из госпитала. Вот несколько строк: «Мы с большим удовольствием прослушали концерт, на который пришли все, как только узнали, что будут выступать дети фронтовиков...

Выступление напомнило многим бойцам и офицерам их детей, с которыми они не виделись с начала войны».

Как радовались зрители, как аплодировали! Не забыть одного молодого бойца, который сидел в первом ряду и тоже хлопал ладонями перебинтованными, похожими на берёзовые полена культуры рук.

Гораздо позднее, уже в юности, я снова думала о нём. Со мной работала красивая интеллигентная женщина по имени Софья. Она с любовью отзывалась о своей семье. Двое детей — мальчик и девочка, муж — участник войны, молодой, статный, красивый.

Но как-то одна из работниц сочувственно сказала про Софью:

— Бедняжка! Делает вид, что счастлива. Представляю, как ей трудно!

Другая оборвала её: — Перестань! Они же любят друг друга. Она его с фронта дождалась.

В это время вошла Софья, и они замолчали. А та пожаловалась:

— Ну вот, опять Юру какая-то бабуля в травме обругала, приказала уступить место. Откуда ей знать, что он руки на войне потерял, что у него протезы и держаться нечем.

...Уроки войны. Они показали нам примеры великого мужества, настоящей любви, верности.

память

Учёный и писатель, учитель и добрый собеседник

Эльвира Ивановна Иванова — член Союза писателей России, переводчик, автор научно-популярных книг по истории литературы, ведущий сотрудник Института художественного образования Российской академии образования — покинула этот мир в ночь с 13 на 14 марта.

Очень трудно говорить «была» о женщине, которая в памяти тех, кто её близко знал, навсегда останется Эльей Ивановой, готовой помочь в трудную

минуту, безоглядно щедрой, самозабвенно влюблённой в искусство.

Основной областью её переводческих интересов была немецкая литература. В переводах Эльвиры Ивановой изданы древние памятники немецкой культуры: «Сокровища Нибелунгов», «Сказание о Хильде и Кудруне», «Парцифаль», сказки Э.Т.А. Гофмана и В.Гауфа, пьесы Л.Тика и многие другие произведения. Она познакомила российских детей с творчеством О. Пройслера, впервые полностью перевела на русский язык классическое собрание «Детских и семейных сказок» братьев Гримм с авторскими комментариями.

Последняя работа была удостоена двух престижных премий: почётного диплома Международного совета по детской книге (ИВВУ) и премии «Облака» им. С.В.Михалкова Международного сообщества писательских союзов.

Блестящее знание как русской, так и мировой литературы позволило Эльвире Ивановой стать составительницей замечательных антологий и хрестоматий: «XX веков немецкой литературы», «Детская литература Скандинавских стран», «Детская литература Австрии, Германии, Швейцарии», «Большая

хрестоматия для самых маленьких», «Большая книга стихов для чтения в детском саду» (в соавторстве с И.П. Токмаковой), «Литература немецкого романтизма».

За последние пять лет Эльвира Ивановна опубликовала ряд статей и книг, связанных с историей различных литературных жанров, их героев и сюжетов: «Что за прелесть эти сказки!», «Роман-воспитание от "Парцифаль" до "Тарри Поттера"», «Живая античность», «Миф. Сказки. Фэнтези», «Сказки братьев Гримм — "наследие человечества"» и другие.

Много сил и времени уделяла Эльвира Ивановна и устной популяризации мирового культурного наследия: проводила выездные лекции в Москве и Московской области, была вдохновителем ежегодного научно-практического семинара «Творческое чтение в системе литературного образования».

Почти 35 лет проработала Эльвира Ивановна в Институте художественного воспитания АПН СССР, из них двадцать — заведующей лабораторией литературы. 1990-е годы были «звёздным часом» для собранного Эльвирой Ивановой коллектива единомышленников, который разрабатывал новые ме-

тодики преподавания словесности. Будучи по своему воспитанию человеком советского времени, она, однако, сумела эффективно использовать возможности нарождающегося издательского рынка, благодаря чему созданные в лаборатории учебники и пособия оказались доступными педагогам школьного и дополнительного образования.

Деятельность Эльвиры Ивановой по достоинству оценена международным литературным сообществом: она была членом Совета по детской литературе при Союзе писателей России, вице-президентом Российской национальной секции Международного совета по детской книге (ИВВУ), членом-корреспондентом Немецкой академии литературы, членом международного жюри по присуждению Международной литературной премии им. С.В. Михалкова.

А.Архипова, Е.Глухова, А.Гуткина, О.Ионайтис, О.Корф, И.Котунова, А.Лебедева, Д.Поль, М.Порядина, Т.Рудинина, Л.Салтыкова, В.Семёнова, И.Токмакова

Сумбурно.

Но сейчас по-иному не могу...

ком уж эмоционально доказывал свою правоту. Эльвира Ивановна была спокойна и уверена. И, человек мудрее меня, она после наших споров всегда первой подходила ко мне мириться. Каюсь, грешен. Неисправно грешен, потому что не будет у меня теперь таковой возможности — подойти первым к Эльвире Ивановне и протянуть ей руку, и попросить прощения, и признать свои ошибки, и порадоваться за неё, такую мудрую, с такой лёгкой-лёгкой смешинкой в глазах.

Навегда я запомнил свою первую учительницу, встретившую нас у крыльца деревянной одноэтажной Домодедовской начальной школы №25. Запомнил, как идеал, как образ: и женщины, и учителя, и человека. Навсегда останется в душе моей образ Эльвиры Ивановны, образ, в котором соединились, не мешая друг другу, учёный и писатель, учитель и добрый собеседник, серьёзный подход к любому делу и удивительная лёгкость в общении даже с такими беспокойными людьми, как я, и женщина, и человек, и труженик.

Ну, очень жаль...

А. ТОРОПЦЕВ